Лифт на Седьмое Небо

Мирослава Верескова

Мирослава Верескова

Лифт на седьмое небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73072723
SelfPub; 2026

Аннотация

Это должен был быть обычный вечер. Тот самый, когда двадцать седьмой этаж кажется недостижимой вершиной, а планы ограничиваются чаем и старым фильмом. Но судьба, в лице капризного лифта «Престиж», распорядилась иначе. Теперь они здесь: блистательная Алиса, у которой план на жизнь расписан по минутам, и мечтательная Соня, чей мир помещается в блокнот со стихами. И он – загадочный незнакомец, чья улыбка пахнет корицей и дождём. Когда двери захлопнулись, начался обратный отсчёт. Запах духов смешался с паникой, а неловкое молчание – с искрами внезапного интереса в его глазах. Кто он? И главное – кому достанется его внимание, когда этот стальной ящик наконец откроется?

Содержание

Стальной ящик с видом на небо 4
Искусство неловкого молчания 15
Аварийный свет и тени прошлого 27
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Мирослава Верескова
Лифт на седьмое небо

Стальной ящик с видом на небо

Вечер вливался в панорамные окна «Седьмого неба» густым, как чернила, синевой. Уличные фонари внизу зажигались один за другим, строя призрачные параллели миру, который обитал здесь, наверху. Холл подъезда номер один погружался в вечерний режим – тихий, интимный, дорогой. Основной свет, холодный и безжалостный, погас, уступив место мягкому свечению шаров из муранского стекла. Их отражения лежали на отполированном мраморе «Бьянко Каррара» длинными, расплывчатыми бликами, похожими на лужицы пролитого меда. Инсталляция из бронзы и дымчатого стекла в центре теперь светилась изнутри теплее, отбрасывая на стены причудливые тени, напоминавшие сплетение ветвей или нервных окончаний. Воздух, всегда стерильный, приобрел вечерние ноты: едва уловимый шлейф дорогого табака, пряная сладость чьего-то парфюма с амброй и, как всегда, подложка – холодок металла и влажной кожи с диванов.

Первой в эту тишину ворвалась Алиса Воронова. Резкий,

отрывистый стук каблуков-шпилек по мрамору разрезал атмосферу, как стеклорез. Она шла быстро, не глядя по сторонам, ее каштановые с медью волосы, уложенные в безупречную волну, даже не колыхнулись от движения. Пальто цвета ночного неба было расстегнуто, под ним мелькала шелковая блуза холодного изумрудного оттенка. Лицо, с безупречным «нюдовым» макияжем, было маской ледяного раздражения. В углу рта – почти невидимая напряженная складка. Сорвалась сделка. Не просто сорвалась – ее вырвали из-под носа в последний момент, использовав ее же собственные наработки. Привкус меди и горечи стоял во рту, и она сглатывала его, чувствуя, как напряжены ее челюсти. В ушах еще звенел голос отца из утреннего звонка: «Договор на три года? Слабовато, дочка. В твои годы я уже дивизион крутил». Сумка последней модели отстроченного дома тяжело свисала с локтя, внутри ноутбук, папка с бумагами и маленькая, плоская фляжка с коньяком – на случай «экстренной необходимости расслабить нервную систему». Она метнула короткий, оценивающий взгляд на свое отражение в темном стекле дверей – идеально. Всегда идеально. Даже когда внутри все клокотало от унижения и ярости. Ее пальцы, в матовом лаке винно-красного оттенка, с силой нажали кнопку вызова лифта.

В ту же секунду боковая дверь, ведущая из переулка, распахнулась, впустив порцию холодного воздуха и Соню Мещерякову. Она влетела, как осенний лист, подхваченный

ветром, едва не споткнувшись о высокий порог. Огромный бумажный пакет из художественного магазина громко зашуршал у нее в руках, из него угрожающе торчали рулоны бумаги и тюбики с краской. Другой рукой она прижимала к груди потрепанный кожаный рюкзак. Ее светлые, пшеничные волосы были собраны в пучок, из которого во все стороны выбивались непослушные пряди. На носу золотились веснушки, серо-зеленые глаза были расширены от спешки. Она опаздывала на онлайн-курс по цифровой иллюстрации, ради которого копила три месяца, и теперь ее внутренний диалог был паническим и отрывистым: «Десять минут, всего десять минут, если лифт не задержится, и интернет не отвалится, и…» Она бросила взгляд на огромные часы из черного оникса. Бронзовые стрелки, казалось, двигались с издевательской скоростью. От нее пахло кофе, акварельными красками и чем-то сладким, возможно, печеньем, которое она доедала на бегу. Увидев Алису у лифта, Соня невольно сжалась, почувствовав резкий контраст между своим видом – поношенная куртка, джинсы в краске, разноцветные носки, выглядывающие из-под кед – и этой холодной, отточенной статуей женщины. Она робко улыбнулась в пространство, но Алиса, уставившись в матово-черные двери лифта, не увидела этого.

Мужской голос, ровный, спокойный, но с невидимой стальной струной внутри, прозвучал со стороны почтовых

ящиков.

«Я понимаю, Кирилл. Да, чертежи будут завтра к утру. Нет, я не считаю, что изменение концепции в последний момент – это профессионально. Но раз вы так решили… Конечно. Моя подпись? Да, она будет стоять под вашим вступительным словом. Как всегда».

Даниил Орлов стоял спиной к ним, у окна-витрины. Высокий, в темно-синем кашемировом свитере и серых льняных брюках, он был похож на часть интерьера – дорогую, безупречно вписанную деталь. Но его левая рука, сжимавшая телефон, была сведена такой судорогой, что костяшки пальцев побелели. Голос босса, самоуверенный и похаживающий, продолжал звучать в трубке, но Даниил уже не слышал слов. Он слышал лишь собственное сердцебиение, ровный, накатывающий гул, похожий на отдаленный гром. Перед глазами стоял его проект – общественного пространства у реки, с амфитеатром, дорожками, парком. Проект, который Кирилл только что назвал «милым дилетантским эскизом», перед тем как присвоить и отправить на доработку «в соответствии с коммерческими реалиями». Он медленно выдохнул, заставив мышцы лица расслабиться. «Хорошо, – сказал он тем же ровным тоном. – Обсудим завтра в офисе. Всего доброго». Он положил трубку, и лишь легкая дрожь в кончиках пальцев, когда он убирал телефон в карман, выда-

вала бурю внутри. Он повернулся. Его взгляд, серо-голубой, цвета зимнего неба перед снегом, скользнул по холлу, отметив двух женщин у лифта. Он автоматически оценил ситуацию: одна – жительница, статусная, раздраженная; вторая – вероятно, арендатор, творческая, торопящаяся. Ничего, что требовало бы его вмешательства. Он направился к лифту, его шаги были бесшумны на густом ковре.

В этот момент с тихим, шипящим звуком раздвинулись матово-черные двери лифта «Престиж». Открылся портал в теплый, золотистый свет. Алиса, не оглядываясь, шагнула внутрь первой, заняв позицию у дальней зеркальной стены, будто вставая на сцену. Ее взгляд скользнул по отражению, проверяя, все ли в порядке. Соня, бормоча «простите», неуклюже проскочила следом, пытаясь не задеть пакетом блестящие латунные поручни. Она вжалась в угол, стараясь занимать как можно меньше места. Даниил вошел последним, и его крупная, но подтянутая фигура автоматически встала между ними, лицом к дверям. Он нажал кнопку 27-го этажа для Алисы – она сделала это одним беззвучным движением подбородка – и 16-го для Сони, которая прошептала «спасибо». Его собственный этаж, 22-й, уже горел. Двери начали медленно, бесшумно сходиться.

Именно тогда раздался звук.

Не скрежет, нет. Сначала – глухой удар где-то глубоко внизу, как будто огромный маятник ударил в стену шахты. Затем – высокий, визгливый скрип растягивающегося металла, который пронзил тишину кабины, как ножом. Свет, теплый и рассеянный, мигнул один раз, дважды и погас, погрузив все в абсолютную, густую, бархатную тьму. Одновременно пол под ногами качнулся, дрогнул и с глухим, окончательным стуком замер. Движение, едва начавшееся, прекратилось. Их тела по инерции качнулись вперед. В нос ударил резкий, едкий запах озона и раскаленной изоляции.

Наступила тишина. Не просто отсутствие звука, а звенящая, плотная субстанция, налипшая на барабанные перепонки. Она длилась, возможно, три секунды. Пять. Вечность.

Первой взорвалась Алиса.

«Что это? Что происходит?» – ее голос, обычно низкий и контролируемый, вырвался резко, почти на высокой ноте. В темноте послышался яростный шуршащий звук – она нащупывала панель управления. Последовала серия быстрых, отрывистых щелчков. Кнопки. Все кнопки подряд. «Господи, да это же невозможно! У меня нет на это времени!» Ее паника была не слепой, а яростной, направленной вовне, как атака. Она уже представляла себе срыв всех вечерних планов, неотвеченные письма, сорванный завтрашний брифинг.

Из угла, где притаилась Соня, донесся прерывистый, короткий вдох. Потом еще один. Она не говорила ничего, но звук ее дыхания – мелкий, частый, как у загнанного зверька – был красноречивее слов. Темнота сомкнулась вокруг нее плотным кольцом, стены, которые секунду назад были просторными, теперь невидимо надвинулись, давя на виски. Она зажмурилась, но от этого стало только страшнее. Внутри все сжалось в холодный, дрожащий комок. Ее пальцы вцепились в шершавую поверхность бумажного пакета.

Даниил не шевелился. Он замер, как животное, оценивающее угрозу. Его дыхание оставалось глубоким и ровным, но в полной тишине он слышал, как кровь стучит в висках. Мозг, уже отключивший эмоции после разговора с Кириллом, мгновенно перестроился. Кризис-менеджер. Режим устранения неполадок. Первое – информация. Второе – безопасность. Третье – коммуникация.

«Не нажимайте все кнопки подряд, – прозвучал его голос. Спокойный. Низкий. Негромкий, но перекрывающий учащенное дыхание Сони и яростное шуршание Алисы. – Это может сбить систему.»

Он достал из кармана телефон. Свет экрана, холодный и резкий, выхватил из тьмы фрагменты: бледное, испуган-

ное лицо Сони с огромными глазами; резко очерченный профиль Алисы, ее брови, сведенные в гневную складку; блик в зеркале, где мелькнуло его собственное отражение – спокойное, почти отрешенное. Он нашел фонарик и включил его. Луч, как тонкий белый штык, уперся в латунную панель домофона. На ней была небольшая решетка и кнопка с пиктограммой телефона.

«Сейчас выясним, – сказал он, больше для себя, чем для них. Его палец нажал кнопку.»

Сначала был лишь шипение пустого эфира. Потом щелчок, и сквозь помехи пробился старческий, скрипучий, но удивительно четкий голос.

«Алло? Лифт «Престиж», кабина номер один? С вами Геннадий Петрович.»

«Мы застряли, – сказал Даниил, без предисловий. – Между какими этажами, не знаем. Свет погас. Есть запах гари. Состояние пассажиров… пока в норме.» Он сделал акцент на «пока», бросив быстрый взгляд в сторону Сони. Она, казалось, пыталась дышать по какой-то системе, но получалось прерывисто и неглубоко.

«Так, так, так, – послышалось в динамике, и они услыша-

ли, как на том конце кто-то тяжело вздыхает. – Я слышал удар. Реле, похоже. Или тросы… Да нет, с тросами все в порядке, я их вчера проверял. Свет отключился во всем подъезде на секунду, но восстановился. У вас, видать, свой автомат выбило.»

«Когда будет эвакуация?» – вклинился голос Алисы. Она подошла ближе, и ее парфюм – бергамот, пион, кожа – смешался в темноте с запахом страха и озона. «Мы не можем тут торчать неизвестно сколько!»

Геннадий Петрович помолчал, и в этой паузе было все, что нужно было знать.

«Видите ли, барышня, – заскрипел он с сожалением. – Вечер предпраздничный. Аварийная служба… У них все экипажи на выездах. Город-то большой. Мне только что сказали… Минимум два часа. Может, больше.»

Тишина, которая воцарилась после этих слов, была страшнее той, что была после остановки. Она была наполнена смыслом. Два часа. В этой деревянной, зеркальной коробке, подвешенной в бетонной шахте. В темноте, если не считать холодного луча фонарика в руке Даниила. С чужими людьми.

Алиса издала короткий, бессильный звук, нечто среднее между стоном и смешком. Она отшатнулась назад, и ее плечи коснулись зеркальной стены. Легкий стук. Она замерла, ощущая ледяную гладь за тонкой шерстью свитера.

Соня прошептала что-то невнятное. Потом, собравшись с духом, чуть громче: «Два… два часа?» Ее голос дрожал.

Даниил продолжал смотреть на решетку домофона, хотя голос оттуда уже смолк. Луч фонарика дрогнул в его руке, выхватив из мрака край ковра насыщенного винного цвета, в который, казалось, можно было провалиться. Он медленно перевел дыхание. Два часа. Он закрыл глаза на секунду, отсекая вспышку ярости – на день, на начальника, на судьбу, которая заперла его здесь, в самом сердце его же безупречной, выстроенной жизни, с двумя абсолютно разными женщинами и с собственной, внезапно ожившей, трещащей по швам маской.

«Геннадий Петрович, – сказал он, и его голос по-прежнему звучал ровно, как отчет. – Сообщите, когда будет какая-то информация. И… передайте, что здесь есть люди. Чтобы не забыли.»

«Как же можно забыть, – послышался ответ, и в нем мелькнула тень старомодного участия. – Держитесь, господа.

Я тут, на связи. Попробую еще кого-нибудь пробить.»

Связь прервалась.

Даниил опустил руку с телефоном. Луч фонарика упал на пол, освещая их ноги: острые носы лодочек Алисы, разноцветные носки в кедах Сони, его собственные замшевые лоферы. Он повернулся, медленно переводя луч света с одного лица на другое. Алиса смотрела на него, ее глаза в этом резком свете казались бездонными, в них бушевала буря негодования и паники, которую она с трудом сдерживала. Соня щурилась, отворачиваясь, одна рука прикрывала рот.

«Итак, – произнес Даниил, и его голос прозвучал слишком громко в маленьком, душном пространстве. – У нас есть два часа. Предлагаю начать с того, чтобы не сойти с ума.»

Искусство неловкого молчания

Тишина после его слов повисла не просто паузой, а отдельной, осязаемой сущностью. Она была густой, как сироп, и каждый звук – прерывистый вздох Сони, едва слышный скрип подошвы Алисы по ковру – тонул в ней, оставляя лишь ощущение нарастающего давления на барабанные перепонки. Луч фонарика в руке Даниила был не просто источником света, а стрелкой, указывающей на центр всеобщего дискомфорта. Он направил его вверх, отразив от матового потолка, и пространство заполнилось призрачным, рассеянным сиянием, которое не разгоняло тьму, а лишь подчеркивало ее присутствие по углам, за спинами, в бесконечных отражениях зеркал. Теперь они видели друг друга не фрагментарно, а целиком – три силуэта в зеркальной ловушке, где каждый жест множился до бесконечности.

Алиса первой не выдержала этой пытки молчанием. Она выпрямила спину, и это движение было слышно – шелест шелковой блузы, едва уловимый скрип корсета под одеждой. Она откашлялась, не потому что нужно было, а чтобы обозначить право на первый ход.

«Два часа в кромешной тьме – это не просто неудобство, это нарушение всех мыслимых договоренностей о ка-

честве услуг, – заявила она, обращаясь, казалось, к пространству между Даниилом и стеной. Ее голос вернул себе привычную низкую, отточенную тембровость. – Но, раз уж мы здесь…» Она сделала паузу, давая понять, что делает одолжение, снисходя до общения. «Может, представимся? Чтобы понимать, с кем делить этот… незапланированный тимбилдинг в аду. Алиса Воронова. Управляющий директор в «Глобал Ритейл Консалт».»

Она не протянула руку. Рукопожатие в темноте было бы абсурдом. Вместо этого она метнула быстрый, оценивающий взгляд в сторону Даниила, лучше всего различимого в отражении. Ее взгляд скользнул по линиям его плеч, по спокойной позе. Мужчина. Очевидно, статусный. Возможность. Или, как минимум, отвлечение от кошмара.

Соня, все еще прижатая к стене, вздрогнула, словно ее вызвали к доске. Ее пальцы судорожно сжали ремешок рюкзака. «А я… я Соня, – прозвучало тихо, с вопросительной интонацией. – Мещерякова. Я… иллюстратор. И работаю в кофейне «Подсолнух», внизу, в бизнес-центре.» Она попыталась улыбнуться, но в полумраке это получилось как гримаса напряжения.

Даниил кивнул, луч фонарика дрогнул. «Даниил Орлов. Архитектор.» Больше ничего. Ни компании, ни должности.

Просто факт, сухой и безличный, как техническое описание материала.

«Архитектор, – повторила Алиса, и в ее голосе зазвучал новый, заинтересованный оттенок. Охотничий. Она слегка повернулась к нему, и свет уловил блеск в ее глазах. – Я думала, вы знакомы. Ваше лицо. Недавно в «Интерьере плюс» была статья о новой библиотеке в Сколково. Там был проект. Ваш проект?»

Он медленно перевел на нее взгляд. В рассеянном свете его серо-голубые глаза казались почти прозрачными. «Рабочая группа под руководством Кирилла Власова. Я был частью команды, да.»

«Скромничаете, – парировала Алиса с легкой, почти профессиональной улыбкой. Она узнала имя шефа – оно было на слуху. Значит, он не просто наемный работник, а кто-то из ближнего круга. Ценный актив. – Мне запомнилось решение с естественным освещением. Очень прагматично и… элегантно.»

«Спасибо, – ответил он, и это было не «благодарю», а именно нейтральное, вежливое «спасибо», ставившее точку. Он не стал развивать тему. Его взгляд, казалось, блуждал где-то за пределами кабины, в темноте шахты, где гудели

невидимые механизмы.»

Неловкость снова натянулась, как струна. Алиса, привыкшая, что ее комплименты и осведомленность открывают двери, наткнулась на стену. Она перевела дух, решив сменить тактику, обратив внимание на третьего, молчаливого участника. Ее взгляд, холодный и аналитический, скользнул по Соне, по ее пакету, по потертой куртке.

«Иллюстратор и бариста, – произнесла Алиса, и в интонации не было вопроса, а было легкое, едва уловимое снисхождение, как к интересному, но несерьезному факту. – Комбинация творческая. А что рисуете? Детские книжки?» Последние слова прозвучали не как интерес, а как вежливый способ классифицировать и отложить в сторону.

Соня почувствовала укол. Она знала этот тон. Знакомый до тошноты. «Да, в основном, детские, – подтвердила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – И еще комиксы иногда. И просто… что в голову придет.»

«Как мило, – сказала Алиса, и это «мило» повисло в воздухе, как тончайшая ядовитая игла. Она перевела взгляд на огромный пакет. – А это, значит, стратегический запас вдохновения? Бумага, краски? Не слишком ли тяжело таскать такое на себе? Спину ведь можно сорвать.»

Это уже была не светская беседа. Это была демаркация территории. Фраза, отчеркивающая пропасть между тем, кто заказывает дизайн интерьеров, и тем, кто таскает на себе рулоны бумаги. Соня покраснела, к счастью, в полумраке это было не видно. Она почувствовала, как горло сжимается. «Нужно было к курсу… материалы, – пробормотала она, ненавидя себя за эту несвязность.»

Даниил следил за этим обменом, не двигаясь. Его лицо оставалось невозмутимым маской, но внутри что-щелкнуло. Он узнал этот тон. Тон его отца, обсуждавшего «несерьезные» увлечения матери. Тон, который не ругал, а аккуратно, с аптекарской точностью, отделял важное от неважного, статусное от маргинального. Он увидел, как Соня буквально сжимается, становясь меньше. И что-то в этом ему резко не понравилось.

«Вес распределен грамотно, – неожиданно произнес он, глядя прямо на пакет Сони. Его голос был по-прежнему ровен, но в нем появилась легкая, техническая конкретность. – Плотная бумага в рулонах, тюбики в отдельном отсеке. Если нести вертикально, как вы и делаете, нагрузка на позвоночник минимальна. Просто неудобно при маневрировании в дверях.»

Соня удивленно подняла на него глаза. Алиса слегка приподняла бровь. Он не защищал Соню, он просто констатировал факт. Но этот факт был щитом.

Наступила еще одна пауза. Даниил понял, что его вмешательство лишь подлило масла в огонь. Алиса теперь рассматривала его с новым интересом – смешанным с раздражением. Молчание снова стало давить. Соне нужно было чем-то занять руки, мысли, чтобы не смотреть в эти бесконечные зеркальные коридоры, где ее испуганное отражение множилось до бесконечности. Она медленно, стараясь не шуметь, сползла по стене на пол, на густой винный ковер. Ворс был неожиданно мягким и пружинистым под ней. Она поставила пакет рядом, расстегнула рюкзак и достала оттуда небольшой, потрепанный скетчбук в темно-синей обложке и карандаш в металлическом чехле. Механический. С грифелем 2B.

«Вы… что делаете?» – спросила Алиса, не скрывая легкого презрения в голосе. Сидеть на полу в таком месте? В таком наряде?

«Я… мне так легче, – честно ответила Соня, даже не глядя на нее. Она приоткрыла блокнот, положила его на колени, и в почти полной тишине раздался четкий, сухой щелчок – она выдвинула грифель. Звук был невероятно громким. – И… я когда нервничаю, рисую. Это помогает.»

Алиса фыркнула, но больше не стала комментировать. Она отвела взгляд, уставившись в свое отражение, будто совещаясь с самой собой, с той идеальной версией себя, которая не должна была оказаться в такой унизительной ситуации. Даниил прислонился к противоположной стене, выключил фонарик на телефоне, чтобы сэкономить заряд, оставив лишь тусклое свечение от потолка. Теперь лица тонули в тенях, были видны лишь силуэты. Тишина снова воцарилась, но теперь ее нарушало однообразное, успокаивающее шуршание карандаша по бумаге. Скорый, уверенный звук. Соня рисовала, полностью уйдя в себя, в тактильное ощущение шероховатой бумаги, в контроль над линией. Она рисовала то, что видела, но пропуская через призму абсурда. Так ее когда-то научила мама.

Прошло минут десять. Алиса периодически вздыхала, поглядывала на невидимые часы, мысленно прокручивая список невыполненных дел. Даниил стоял с закрытыми глазами, но не спал. Его дыхание было ровным, но мышцы спины и шеи оставались в легком напряжении, как у солдата, стоящего в карауле.

Соня закончила набросок и, не думая, оторвала лист. Он хрустнул, и она, поймав себя, резко замерла. Потом, не глядя, потянулась положить его обратно в рюкзак, но лист вы-

скользнул из пальцев и, подхваченный почти незаметной тягой воздуха от вентиляции, плавно опустился на пол, пролетев полметра и приземлившись у ног Даниила.

Он открыл глаза. Белый прямоугольник на темном ковре. Он наклонился, поднял его. Инстинктивно, почти машинально, он повернул лист к свету.

И замер.

На бумаге был набросок, сделанный быстрыми, живыми линиями. Не фотография, а ощущение. В центре – стилизованная кабина лифта, больше похожая на роскошную птичью клетку с витыми латунными прутьями. В ней три фигурки. Одна, женская, в короне-шпильке и плаще из денежных купюр, стояла гордо, уставившись в маленькое зеркальце, в котором отражалось не ее лицо, а график роста прибыли. Вторая фигурка, мужская, была изображена в виде сложного механического конструктора – идеальные геометрические формы, но внутри, в районе груди, сквозь прозрачный пластик, был виден крошечный, запертый в клетке ястреб. Он смотрел не вперед, а вверх, на потолок клетки, где художница изобразила не светильник, а маленькое, но детально прорисованное окно в звездное небо. А третья фигурка, самая маленькая, сидела в углу, закутавшись в плащ из исписанных листов бумаги, и сосредоточенно рисовала… са-

му эту карикатуру. Бесконечная рекурсия. И самое главное – снаружи клетки, в темноте шахты, к лифту тянулись огромные, добрые, улыбающиеся щупальца какого-то монстра, явно собирающегося поднять его и отнести куда-то, как потерянную игрушку. Подпись в углу: «Экскурсия застряла. Гид-монстр опаздывает.»

Это была не злая сатира. Это была теплая, немного грустная, но пронзительно точная шутка над абсурдом их положения. Она видела его. Не архитектора Орлова. А того ястреба за геометрическим фасадом. Она уловила это мгновенно, интуитивно, просто глядя на него в темноте.

Даниил смотрел на рисунок. Сначала его лицо оставалось бесстрастным. Потом углы его губ, те самые, что обычно были подтянуты в нейтральную, вежливую линию, дрогнули. Не просто дрогнули – они поползли вверх, преодолевая сопротивление годами натренированных мышц. Морщинки у глаз сгруппировались не от напряжения, а от чего-то другого. И он засмеялся. Тихим, глухим, совсем не идеальным смехом, который вырвался из него неожиданно, как воздух из проколотого баллона. Это был короткий, отрывистый звук, но в нем была неподдельная, чистая искренность. Первая за долгие месяцы, а может, и годы.

«Что там?» – резко спросила Алиса, насторожившись.

Она видела, как он поднял что-то, видела, как его лицо, освещенное снизу отраженным светом, изменилось. Исчезла та ледяная, отрешенная маска. Появилось что-то живое, уязвимое, почти мальчишеское.

Даниил не ответил. Он еще секунду смотрел на рисунок, потом медленно, почти нежно, сложил лист пополам и сунул его во внутренний карман свитера, прямо над сердцем. Потом поднял глаза на Соню. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на него с ужасом и надеждой, широко раскрыв глаза, как пойманный за шалостью ребенок.

«Спасибо, – сказал он ей, и в его голосе впервые за весь вечер не было ни капли ровной учтивости. Была теплота. Легкая, сбивчивая, но настоящая. – Это… самый точный технический анализ ситуации, который я видел.»

Соня растерянно улыбнулась, и ее лицо внезапно осветилось, стало своим, не зажатым страхом. «Просто… чтобы не скучно было, – пробормотала она.»

Алиса наблюдала за этим молчаливым обменом. Она видела, как смягчились его глаза, когда он смотрел на эту девчонку в краске. Видела, как он бережно убрал этот клочок бумаги – не выбросил, не вернул, а убрал к себе. И в ее собственной груди, под слоем шелка, кашемира и ярости, что-то

холодное и тяжелое перевернулось. Это был не просто интерес к потенциально полезному знакомству. Это была тревога. Конкурент. Не по статусу, не по положению. По чему-то другому, гораздо более опасному и неконтролируемому. По вниманию. По той самой искренности, которая только что мелькнула на его лице и которую она, Алиса, не смогла вызвать ни комплиментами, ни демонстрацией осведомленности.

Она выпрямилась еще больше, и ее тень в зеркале стала длиннее, острее.

«Очаровательно, – произнесла она, и ее голос снова стал гладким, как лед, но теперь в нем звенела сталь. – Детские рисунки в качестве психотерапии. Надо взять на заметку для следующего корпоративного тренинга по стрессоустойчивости. Хотя, – она сделала микроскопическую паузу, – у нас обычно используют более структурированные методики.»

Ее слова повисли в воздухе, четкие и безжалостные, как скальпель. Они не были обращены напрямую к Соне. Они были обращены к Даниилу. Напоминание. О мире, в котором нет места карандашным наброскам и смешкам в темноте. О мире графиков, KPI и структурированных методик.

Даниил медленно перевел взгляд на нее. Улыбка с его лица не исчезла полностью, но замерзла, превратилась в что-то

отдаленное, вежливое. Он кивнул, но не согласился. Просто признал, что услышал.

Трещина прошла не по зеркалу. Она прошла между ними. Немая, невидимая, но уже непреодолимая. И два часа только начались.

Аварийный свет и тени прошлого

Тишина после колкости Алисы была иного качества. Не неловкая, а натянутая, как тетива перед выстрелом. Рассеянный свет, отраженный от потолка, лежал на их лицах мертвенным, театральным макияжем, подчеркивая тени под глазами и жесткие линии скул. Алиса чувствовала, что контроль над беседой, тот крошечный островок порядка в этом хаосе, ускользает. Нельзя было допустить, чтобы общение скатилось в молчаливое созерцание трещин на фасадах или, что хуже, в тот странный, интимный обмен, который только что произошел между Даниилом и этой девушкой. Нужна была структура. Алгоритм. Что-то знакомое.

Она откашлялась, и звук прозвучал как выстрел стартового пистолета.

«Сидеть и ждать – неэффективно, – заявила она, складывая руки на груди. Ее поза говорила о том, что сейчас начнется совещание. – Давайте используем время с пользой. Проведем что-то вроде… нетворкинга. Только без визиток.» Она попыталась улыбнуться, но получилось как оскал – демонстрация белых, идеальных зубов без участия глаз. «Итак, Даниил. Архитектура. Какая ваша специализация? Коммерческая? Жилая? И что для вас главный вызов в профессии сей-

час?»

Вопрос пал в тишину, как камень в болото. Даниил, все еще ощущая тепло сложенного листа у груди, медленно перевел на нее взгляд. Его глаза в этом свете были как два куска мокрого асфальта – непроницаемые. Он понял игру. Игру, в которой он участвовал каждый день. Игра его отца, игра Кирилла, игра этого всего мира «Седьмого неба».

«Моя специализация – проектирование общественных и коммерческих пространств, – ответил он голосом, который мог бы звучать из динамика на презентации. Четко, грамматически безупречно. – Главный вызов… Найти баланс между эстетическим высказыванием, функциональностью и экономической целесообразностью заказчика.»

Это была не ложь. Это была выжимка из его профессионального кредо, выученная наизусть и произносимая на автомате. Внутри же что-то едко усмехнулось. «Вызов – не задохнуться, пока произносишь эту чушь.»

Алиса кивнула, удовлетворенно. Это был язык ее мира. Язык отчетов и стратегий. «Баланс – ключевое слово. Я, например, в управлении всегда придерживаюсь принципа…»

Она говорила минут пять. Говорила о KPI, о долгосроч-

ном планировании, о выстраивании команд. Ее речь была безупречна: вводные слова «следовательно», «в итоге», «таким образом» скрепляли фразы, как стальные скобы. Она не рассказывала, она презентовала. Себя. Свой успех. Свою неоспоримую значимость в этом лифте. Ее слова висели в воздухе тяжелыми, глянцевыми гирляндами, не оставляя места для чего-то легкого, воздушного, случайного.

Соня слушала, уткнувшись подбородком в колени. Ей было скучно. Страшно и скучно. Эти слова, отполированные до зеркального блеска, скользили по ней, не цепляя. Они были как этот лифт – красивые, но пустые. Она смотрела на Даниила. Видела, как его лицо, когда-то ожившее от ее рисунка, снова застывает в знакомой, вежливой маске. Маске человека, который слушает, кивает, но чей взгляд устремлен куда-то внутрь, в какую-то свою, параллельную реальность. И ей вдруг стало невыносимо жалко его. Жалко и интересно. Не архитектора Орлова. А того ястреба в клетке.

Когда Алиса закончила, сделав паузу для аплодисментов, которых не последовало, Соня, не поднимая головы, спросила тихо:

«А вам нравится?»

Алиса нахмурилась. «Простите? Что именно?»

«Не «что», – Соня подняла глаза, и ее серо-зеленый взгляд уперся прямо в Даниила. Он был лишен агрессии, лишь полон детского, неуместного любопытства. – А вам нравится? Вот этот баланс. Эта… жизнь.»

Вопрос повис в воздухе, простой, как удар молотком по хрустальной вазе. Он не вписывался в структуру. В нем не было подтекста, карьерного расчета или желания произвести впечатление. Это был вопрос из другого измерения. Из мира, где спрашивают не «что ты делаешь», а «ты счастлив».

Даниил замер. Его идеально отстроенная защита, состоящая из профессиональных терминов и социальных масок, дала сбой. Вопрос прошел сквозь нее, как луч света сквозь треснувшее стекло, и попал точно в цель – в ту самую старую, ноющую пустоту под ребрами. Он открыл рот, чтобы сказать «конечно» или «это сложный вопрос», но слова застряли в горле, образовав комок. Его взгляд, всегда такой контролируемый, на миг побежал, метнулся к зеркалу, как бы ища там подсказку, но увидел лишь собственное бледное, застигнутое врасплох отражение. Губы сжались. В глазах промелькнуло что-то быстрое, почти паническое – испуг дикого зверя, которого тронули за открытую рану.

«Я…» – начал он, и его голос, всегда такой ровный, дал слабину, стал ниже, с хрипотцой. Он не знал, что сказать.

Правда была где-то там, в темноте, пахнущей сваркой и бетонной пылью, в следе от татуировки на запястье. Но он не мог ее произнести. Не здесь. Не сейчас. Не перед ними.

И в этот момент, словно сама вселенная решила прийти ему на помощь или, наоборот, добить, – свет окончательно предал их.

Аварийная лампа где-то в потолке, до этого источавшая тот самый рассеянный свет, мигнула один раз, предсмертно и жалко. Потом еще раз, уже слабее. И погасла. Окончательно.

Абсолютная тьма.

Это была не просто темнота. Это была физическая субстанция. Густая, бархатистая, слепая. Она влилась в кабину, затопила ее, вытеснив последние остатки воздуха, пространства, реальности. Исчезли зеркала, стены, потолок. Исчезли их собственные тела. Осталось лишь стремительно нарастающее, животное ощущение падения в никуда. Уши заложило, будто на большой глубине. И в этой новой, бездонной тишине зазвучали другие звуки: учащенное, громкое биение собственного сердца, свист воздуха в легких, едва уловимый гул механизмов где-то далеко-далеко, в самом сердце здания.

Алиса вскрикнула от неожиданности. Коротко, отрывисто. Потом замерла, борясь с волной тошноты, подступившей к горлу. Ее мозг, лишенный визуальных ориентиров, забился в панике, выискивая хоть какую-то точку опоры.

Но самый страшный звук раздался из угла, где сидела Соня. Это был не крик. Это был тонкий, детский, абсолютно беззащитный всхлип. Звук, который вырвался наружу, когда все внутренние барьеры были сметены примитивным, древним ужасом перед замкнутым пространством и полным отсутствием света. За ним последовало шуршание – она попыталась вжаться в стену еще сильнее, забиться в угол, стать меньше, исчезнуть. Ее дыхание стало частым, поверхностным, предобморочным.

Даниил, оглушенный тьмой и собственным смятением, услышал этот звук. И что-то в нем сработало на уровне, глубже мысли, глубже анализа. Инстинкт. Тот самый, что жил в парне со шрамом на ладони, который не разбирался в балансах, но знал, что значит быть в западне и бояться.

Он не думал. Не планировал. Его тело двинулось само.

Его правая рука, все еще сжимавшая телефон, поднялась, и большой палец нащупал кнопку. Экран зажегся, и его хо-

лодное, синеватое сияние, такое ничтожное в этой бездне, стало первым лучом спасения. Но он направил свет не вперед, а вниз, на пол, чтобы не слепить. И одновременно его левая рука потянулась в ту сторону, откуда доносились прерывистые всхлипы. В полной темноте, без единого слова, его пальцы нашли не стену, не пакет, а согнутую коленку, потом скользнули выше, наткнулись на скрещенные на груди руки, сведенные в судорожном замке. Он накрыл их своей ладонью. Полностью. Его рука была большой, теплой, твердой. Он не погладил, не похлопал. Он сжал. Крепко. Так крепко, что костяшки его пальцев впились в ее кожу через тонкую ткань свитера. Это был не жест утешения. Это был якорь. Физическое, непреложное доказательство: ты не одна. Ты здесь. Я здесь. Мы оба здесь, и мы не исчезли.

Соня вздрогнула всем телом от неожиданности, ее всхлип оборвался. Она замерла, ощущая это тепло, этот живой, сильный захват. Ее собственные пальцы, закоченевшие от страха, дрогнули под его ладонью. Она не отдернула руку. Она вцепилась в него в ответ, с той же отчаянной силой, как тонущий хватается за спасательный круг.

Свет от экрана, направленный вниз, выхватывал из мрака лишь фрагменты: край винного ковра, носок ее кеда, его лофер. Но в черных, как бездна, зеркальных стенах, особенно в той, что была прямо перед Алисой, отражалась странная кар-

тина. Из-за почти полного отсутствия освещения стекло превратилось в идеально черную, глянцевую поверхность, в которой, как в зеркале одностороннего наблюдения, было видно лишь то, что ярче всего. А ярче всего был экран телефона в руке Даниила. И его силуэт, склонившийся в сторону угла. И самое главное – контур его левой руки, протянутой через темноту, и едва уловимый блик на сцепленных пальцах – его и ее.

Алиса видела это. Ее глаза, адаптировавшиеся к темноте, уловили это отражение на черной поверхности. Она видела, как он, не сказав ни слова, без всякого плана, просто потянулся к ней. К той, которая испугалась. Которая задала дурацкий, неуместный вопрос. Которая нарисовала смешную картинку.

Она стояла, застывшая, по другую сторону этой темноты. Всего в метре. Но пропасть, которая раскрылась между ней и этим жестом, была шире всей лифтовой шахты. Она, с ее презентациями, структурами, KPI и идеальным макияжем, оказалась не у дел. Ее оружие – слова, статус, контроль – оказалось бесполезным в этой первобытной тьме, где действуют только инстинкты. Где побеждает тот, кто может дать не визитку, а руку.

Она видела, как дыхание Сони постепенно выравнивает-

ся. Как ее силуэт в отражении перестает дрожать. Как она, все еще сжимая его руку, медленно выпрямляется. И Алиса поняла. Поняла с ледяной, тошнотворной ясностью. Этот жест, этот крошечный, молчаливый акт человечности, был сильнее всех ее часов переговоров. Он был настоящим. А все, что могла предложить она, было идеальной, безупречной подделкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.